

Copyright © 2022 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2022. 17(2): 666-676
 DOI: 10.13187/bg.2022.2.666

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Kokand Khanate as an Object of Russia's Geopolitical Interests in the Representation of Travelogues of Imperial Experts in the first half of the 19th century

Bakyt S. Tokmurzayev ^{a, *}, Sarsenbek K. Yelshibayev ^a, Sabira N. Apasheva ^a

^a «Sirdariya» University, Zhetysai, Republic of Kazakhstan

Abstract

In the article, based on the materials of travelogues of Russian travelers F.M. Nazarova and N.I. Potanin to the Kokand Khanate, the representations of the region as an object of geopolitical interests of the Russian Empire in the first half of the 19th century are revealed. The methodological basis of the study is the approaches of the “new cultural-intellectual” and “new imperial” history, and the reliability and validity of the conclusions is ensured by the involvement in the work of a wide range of additional materials: reports of travelers who visited the states of Central Asia during this period with diplomatic visits.

It has been established that when organizing the expedition, not only current goals related to escorting foreign embassies to their homeland were taken into account, but also promising ones, involving the examination of lands included in the orbit of Russia's geopolitical interests. The heads of such embassies, as a rule, were appointed persons of the Cossack rank, who had an average educational qualification, but at the same time knew oriental languages and/or the skills of route shooting and mapping. In the course of the study, it was proved that the range of problems faced by travelers was determined by the foreign policy situation in the eastern periphery and the place of Russia in this disposition, which to a certain extent provided them with relative freedom of action in making decisions. The result of the imperial expertise of the Kokand Khanate was the preparation and publication of detailed reports on the progress of the expedition, the territory of its movement, population, administrative structure, which was accompanied not only by textual material, but also by route maps. All this together constructed a plausible picture of the world of the inhabitants of the east, made it possible to form ideas of the military and the administration about the possibilities of moving to the east not only by means of diplomacy.

Keywords: Kokand Khanate, Russian Empire, geopolitics, colonization, imperial experts, travelogues, socio-political discourse, representations, foreign policy, Cossacks.

1. Введение

На рубеже XVIII–XIX столетия Российская империя активно включается в большую «политическую игру» за доминирование в Центральной Азии, регионе, через который, по справедливому замечанию Н.Е. Бекмахановой, пролегали пути из Западной Европы в Казахстан, Среднюю Азию, Китай, Персию (Бекмаханова, 2015: 11), возросший интерес к которым свидетельствовал о серьезной эволюции имперской политики России, «дрейфующей» от защиты степного фронта от эпизодических вторжений кочевников-номадов к территориальной экспансии и экономической и социокультурной инкорпорации обширного региона, являвшегося объектом международной конкуренции.

Знаковым сюжетом этого противостояния может рассматриваться система политических и культурно-экономических связей и дипломатических отношений России с Кокандским ханством, образованным в первой половине XVIII в. и к началу XIX в. включавшим в свой состав обширные

* Corresponding author

E-mail addresses: b.tokmurza@gmail.com (B.S. Tokmurzayev)

территории южного Казахстана, Узбекистана, Киргизии, Восточного Туркестана до побережья Аральского моря и долины Сары-коля.

Новые вызовы и геополитические реальности, вставшие в этот период перед Российской империей, довольно слабо соотносились с возможностями по реализации имперских планов в рамках восточного направления внешней политики: отсутствие в России специального учреждения – Министерства колоний (давно учрежденных в европейских государствах) – значительно тормозило и придавало фрагментарный характер экспертизе пространств, постепенно вводимых в круг геополитических интересов государства. Созданный в 1819 г. Азиатский департамент при Министерстве иностранных дел до 1847 г. был сосредоточен лишь на российско-китайских контактах на дальневосточной периферии империи, что существенным образом препятствовало формированию концепции центральноазиатского вектора внешней политики России и, что не менее существенно, сбору и концентрации сведений об административно-политическом устройстве азиатских ханств, составе населения, его этноконфессиональной принадлежности, стереотипах хозяйственного поведения, обычаях, нравах и структурах повседневной жизни.

До некоторой степени сложившийся дефицит информации восполнялся сведениями, собранными российскими путешественниками, участниками экспедиций в Центральную Азию, в том числе и Кокандское ханство, в первой половине XIX в., шедших в регион с целью установления или подтверждения дипломатической лояльности, с одной стороны, и выполнения разведывательных поручений в отношении восточных конкурентов – с другой.

Среди «площадок» репрезентаций восточных деспотий Центральной Азии и разработки политических практик Российской империи на восточной периферии в исследуемый период можно выделить отчеты и записки служащих Сибирского казачьего войска, возглавлявших отряды военных экспедиций в степные области, в форме травелога (литература путешествий). По убеждению ученых, именно в XVIII – начале XIX вв. – эпоху научных экспедиций, государственных и частных путешествий – появляется большое количество травелогов, побуждающих к сравнению цивилизаций и даже оказывающих влияние на философские идеи (Майра, 2014: 255). Характерно, что специфика жанра травелога предполагает не только фиксацию внешних событий и явлений, но и авторское объяснение и отношение к увиденному, что само по себе наполняет авторский текст дополнительными смыслами, перемещает его в плоскость общественно-политического дискурса.

В этой связи обращение к травелогам переводчика Ф.М. Назарова и казачьего хорунжего Н.И. Потанина, возглавлявших посольства в Кокандское ханство, соответственно в 1813–1814 и 1829–1830 гг., является актуальным, поскольку в их трудах в центре внимания оказались не только сюжеты, включавшие описание природных особенностей и населения региона путешествия, но и представления власти и общества Российской империи о перспективах, формах и методах государственной фронтальной политики.

2. Материалы и методы

Решение исследовательских задач, связанных с выявлением содержания репрезентаций Кокандского ханства как объекта геополитических интересов в текстах имперских экспертов первой половины XIX в., направило, прежде всего, к привлечению отчетов путешественников (Ф.М. Назаров, Н.И. Потанин) о совершенных ими поездках в киргизские степи и Кокандское ханство (Назаров, 1891; Потанин, 1909а).

Однако в процессе исследования учитывалось, что для реконструкции дискурса деловых путешествий первой половины XIX в. необходимо обращение к отчетам других участников экспедиций, совершивших походы в Центральную Азию в этот период. В результате к исследованию в той или иной мере привлекались соображения и выводы, представленные в путевых записках лекаря Зибберштейна (1824 г.) и показаниях сибирского казака Максимова о Кокандском владении (1840-е гг.), что в значительной степени способствовало репрезентации выводов настоящей статьи (Вяткин, 1936; Потанин, 2006b).

В методологическом отношении постановка проблемы и выводы статьи располагаются в предметном поле «новой культурно-интеллектуальной истории», что ориентирует на выяснение происхождения идей и их дальнейшей трансляции (Репина, 2007: 89). Литература путешествий в данном плане выполняла функцию дискурсивной практики, соединяющий текст с социокультурным контекстом эпохи, его породившей. Свидетельства участников экспедиций в значительной степени представляют собой единое коммуникативное пространство, в рамках которого складывались и репрезентировались представления российского общества о Востоке и сценариях взаимоотношения с ним.

Метод деконструкции дискурса, избранный в качестве основного инструмента исследования, позволил выявить основных акторов, транслирующих широкую гамму вопросов коммуникации с властью и населением степной периферии, понимание перспектив восточной политики империи, а также вариантов культурных взаимоотношений в геополитических обстоятельствах первой половины XIX в.

3. Обсуждение

Проблема репрезентаций Кокандского ханства первой половины XIX в. как объекта геополитических интересов Российской империи в текстах имперских экспертов вошла в сферу исследовательского интереса историков сравнительно недавно, что явилось прямым следствием антропологического поворота в гуманитарном знании и переосмысления специалистами статуса источников личного происхождения, выполнявших ранее, в рамках позитивистской традиции историописания, в основном иллюстративные функции. Недоверие и периферийный статус эго-текстов, отражающих не столько событийную канву, сколько состояния – внутренние переживания и рефлексию их авторов – сводило к минимуму оперирование историками личными текстами в осмыслении тех или иных сюжетов исторической реальности.

Тем не менее у части российских интеллектуалов XIX века понимание значимости подобного рода материалов все-таки было. Так, известный историк казачества Г.Е. Катанаев с горечью признавал, что исследованиями, отчетами и записками путешественников (как отечественных, так и иностранных) ученые пользовались мало. Катанаев заверял, что, несмотря на непритязательность изложения, эти тексты могут стать драгоценным материалом «для общих выводов заправских ученых» (Катанаев, 1909: 200). Данный подход к аккомодации личных свидетельств в досоветский период разделяли многие исследователи, посвятившие свои публикации истории и дипломатическим отношениям Кокандского ханства, что во многом происходило благодаря возникновению и институционализации отечественного востоковедения (Вельяминов-Зернов, 1856; Петровский, 1873; Наливкин, 1885). В советской историографической традиции изучение Коканда в контексте исследований прошлого Центральной Азии основывалось преимущественно на разработке делопроизводственных и законодательных материалов с очевидным акцентом на обсуждении вопросов национально-освободительного движения (Халфин, 1974; Плоских, 1977; Хасанов, 1977; Гуревич, 1983).

На современном этапе, во многом благодаря восстановлению традиций российского востоковедения, а также возросшему интересу к имперским исследованиям, выстраиванию продуктивных научных коммуникаций между отечественными и зарубежными историками, происходит постепенный разворот к более «тонким» подходам к истории взаимоотношений России с государствами Центральной Азии, что обеспечивает стабильный интерес к эго-материалам, в том числе и литературе путешествий (Моисеев, 2003; Брежнева, 2018; Чуркин, 2021).

4. Результаты

Историк М. Ходарковский, размышляя о технологиях и социокультурном контексте создания колониальных империй, особенно в части организации таковых на фронтальных степных рубежах России, где наиболее рельефно прослеживались культурные различия оседлых и кочевых народов, подчеркивает, что подобные несходства, «укоренившись в социальном, экономическом, политическом и религиозном устройстве обществ по обе стороны от границы приводили к постоянным конфликтам» (Ходарковский, 2019: 17-18).

Следует подчеркнуть, что в XVIII–XIX вв. в российском властном и общественно-политическом дискурсе постепенно выработывались стандартные оправдания колониальной политики как инструмента империостроительства. И в этом дискурсе, во-первых, выкристаллизовывалось понятие «собственный Восток России» (Тольц, 2013), во-вторых, – культурные различия трактовались как в эмоциональном (экзотизация Востока), так и рациональном (политическое завоевание) ключе.

В данном отношении деятельность России в Центральной Азии может рассматриваться и как часть колониальных притязаний империи, и как важный элемент внешней политики государства. По справедливому утверждению Н.Е. Бекмахановой, Российскую империю в этот период начинают привлекать рынки Китая, Ирана, Афганистана, Индии, что неизбежно влекло за собой столкновение интересов России и Англии (Бекмаханова, 2015: 10).

Особая роль в этой экономической и политической «игре» принадлежала Кокандскому ханству, вышедшему из-под контроля бухарских эмиров и проводившему с начала XIX в. самостоятельную политическую линию в регионе, для которой было характерно стремление к территориальной экспансии и установлению контроля над казахскими, киргизскими и узбекскими племенами, а также распространению в их среде мусульманского вероучения.

Во многом дипломатические и военные усилия России в Центральной Азии, в сферу которых активно втягивалось Кокандское ханство, были обусловлены и смещением в регион центра тяжести российско-китайских отношений: статус Китая в собственных северо-западных провинциях во многом определялся позицией кокандских ханов; Россия же пришла в политическое столкновение с Кокандом в вопросе о влиянии в Южном Казахстане и Киргизии.

Таким образом, геополитическая ситуация, сформировавшаяся к началу XIX в. в Центральной Азии, ориентировала российские имперские власти на тщательную проработку «кокандского вопроса» в решении колониальных и внешнеполитических задач, что предполагало проведение имперской экспертизы территорий, входивших в круг территориальных интересов России. Экспертиза предусматривала достаточно широкий круг действий: сбор сведений о климатических условиях края и

его природных ресурсах, этнографическом составе населения, хозяйственных занятиях, культурных свойствах народов, что в ближайшей или отдаленной перспективе становилось своеобразным руководством к принятию практических решений: разработке «сценариев и механизмов хозяйственной и социокультурной интеграции присоединенных земель» (Суворова, 2015: 175).

До учреждения Русского Императорского географического общества и его отделов в Тифлисе, Иркутске и Омске, взявших на себя дело профессиональной организации экспедиций, исследовательские функции возлагались на экспедиционеров, как правило, не имевших специальной подготовки, но обладавших навыком наблюдения и фиксации происходивших событий. Г.Е. Катанаев в предисловии к описанию Кокандского ханства хорунжим Н.И. Потаниным отмечал, что, начиная с XVII столетия, сибирские землепроходцы, «...проведывая новые земли..., оставили в назидание потомству не мало полных интереса «доезжих записей», «статейных списков», «сказок», рисующих положение тогдашних дел и природу пройденных ими земель» (Катанаев, 1909: 196). Относительно периода первой половины XIX в. Г.Е. Катанаев выделяет несколько экспедиций, среди которых поездка в Ташкент и Бухару унтер-шихмейстера Т. Бурнашева и М. Поспелова в 1800 г.; в Кульджу – А.Т. Путинцева в 1811 г.; непосредственно в Коканд в 1813–1814 гг. переводчика Ф. Назарова; в 1829–1830 гг. – хорунжего Н.И. Потанина; а также свидетельства сибирского казака Максимова, проведшего 11 лет в Кокандском плену (1840-е – 1850-е гг.) (Катанаев, 1909: 192-203). Названные лица выполняли не только военные, но и экспертные задачи, составляя описание маршрутов, рельефа местности, климата, образа жизни, нравов и быта коренного населения, что предметно фиксировалось в их отчетах и путевых дневниках, написанных в формате травелогов, предполагавших коммуникацию автора и читателя.

Необходимо отметить, что общий уровень подготовки экспертов к решению сложных имперских задач, на первый, весьма беглый взгляд, оставлял желать лучшего, что неоднократно отмечали современники событий. Так, исполняющий дела начальника Омской области полковник С.Б. Броневский с некоторой долей иронии писал о составе участников экспедиции в Большую орду: «В этом нелегком пути, помимо казаков, нас сопровождали князь Дадиян, “премилый молодой человек и наездник, как природный мингрелец”. Гражданские чиновники: Сушин, “нюхавший весь поход табак”, Налабардин, “бывший семинарист, от которого пахло до сих пор ладаном”. Чиновник Горский – “довольно ученый, довольно горбатый”. Лекарь Зибберштейн – “авантюрист, охотник пускать шутки, и злословие подсказывало, будто он происходил из странствующего иудейского племени”» (Усманова, 2009). Упомянутый выше Г.Е. Катанаев оценивал экспедиционный опыт Н.И. Потанина скромно, но при этом указывал и на неоспоримые достоинства путешественника: «Несмотря на малую подготовленность к выполнению столь серьезной задачи и знакомство с русской грамматикой лишь до сопряжения глаголов, даровитый офицер выполнил возложенное на него важное поручение блестяще» (Катанаев, 1909: 193). Наконец, многие современники путешествий, а также позднейшие их исследователи писали о добротной готовности некоторых экспедиционеров к специфической работе в Центральной Азии. Так, например, большинство авторов в оценке качества репрезентаций Кокандского ханства в отчете Ф. Назарова обращали внимание на знание путешественником азиатских языков, что во многом объяснялось его специальным образованием (окончил Азиатскую школу толмачей в г. Омске) (Катанаев, 1909: 197; Брежнева, 2018: 77).

Переходя непосредственно к характеристике наиболее интересных и содержательных травелогов русских путешественников в Коканд, отметим, что время их составления, начало и первые десятилетия XIX в., стали периодом оживления контактов Российской империи в лице региональной администрации Западной Сибири с ханствами Центральной Азии. Практически все XVIII столетие представляло собой своеобразное «стояние» на границе Сибири со степной периферией, и только в начале XIX в. стало вызревать решение о присоединении этого региона к России. Данный вывод повлек за собой важные изменения практического свойства: активизировалось движение среднеазиатских торговых караванов в направлении Семипалатинска и Петропавловска, что в свою очередь актуализировало разведывательную деятельность о «заграничных обстоятельствах» как со стороны русских, так и степных ханств (Катанаев, 1909: 197). Главными акторами этой деятельности становились конвоиры – представители Сибирского казачьего войска, выполнявшие функции сопровождения ханских послов, доходивших иногда до Петербурга отнюдь не только с познавательными целями.

Одна из наиболее ярких и многогранных репрезентаций Кокандского ханства как объекта геополитических интересов Российской империи представлена в отчете русского дипломата, переводчика Отдельного сибирского корпуса Ф.М. Назарова, возглавлявшего в 1813–1814 гг. посольство в Коканд. Результатом его дипломатической миссии стал хронологический отчет о пути в Коканд, пребывании там и обратном возвращении, опубликованный в 1821 г. на средства графа П.П. Румянцева отдельной книжкой, изданной Императорской академией наук.

Уже в преамбуле отчета Ф. Назарова содержатся косвенные указания о государственной значимости предстоящей экспедиции и реализации имперских задач на востоке, формат решения которых предполагал в этот период выстраивание дипломатических отношений с потенциальным противником. Подобная стратегия была неразрывно связана с новым статусом г. Ташкента, который в

начале XIX в. территориально входил в границы Кокандского ханства, находясь одновременно в эпицентре торговых отношений России с государствами и племенами Центральной Азии.

Повествуя об обстоятельствах организации похода, Ф. Назаров упоминает о серии инцидентов, произошедших с кокандскими посланниками, остановившимися в Петропавловске по возвращению в 1812 г. из Петербурга от высочайшего двора Его Императорского Величества: «Один из них (посланников) умер от болезни; а развратная жизнь другого среди распутных женщин завела его в сообщество сосланного на поселение солдата, который, заманив его в баню, убил в надежде воспользоваться его деньгами и кинул в реку...» (Назаров, 1891: 2). Во многом поэтому было принято решение о конвоировании оставшихся посланников обратно в Коканд, в «отвращение различных толков, могущих дойти до Кокандского владения» (Назаров, 1891: 2).

Симптоматично, что имперский акцент предприятия по конвоированию ханских посланников обуславливался и видной ролью в подготовке похода и инструктировании экспедиционеров крупным российским чиновником и военным деятелем Г.И. Глазенапом, занимавшим в 1807–1815 гг. должность начальника Сибирской линии. Именно от него Ф. Назаров получил четкое предписание о порядке действий при конвоировании ханских посланников: сохранить подарки в целости, обходиться с посланниками со всевозможной ласковостью, соблюдая... крайнюю осторожность, дабы они не могли тайно скрыться, и не подавая им никакого подозрения... На Кокандских границах отпустить отряд, а с посланниками и купеческим караваном следовать в сам Коканд... Вручить подарки... и испросить ответные письма к ЕИВ и Государственному Канцлеру...» (Назаров, 1891: 3).

Филипп Назаров продел путь от Омска к Петропавловской крепости, откуда вместе с купеческим караваном и посланниками через киргиз-кайсацкую степь добрался до г. Сузак, а затем, посетив последовательно Чимкент и Ташкент, прибыл в Коканд. Обратим внимание, что путешествие Ф. Назарова оказалось достаточно долгим, поскольку ему пришлось около двух лет оставаться в Ферганской долине, перемещаясь по различным городам, что в значительной степени способствовало более глубокому пониманию и осознанию восточной культуры, системы управления и образа жизни населения.

При этом следует отметить, что восприятие раскрывшегося перед Ф. Назаровым восточного мира Кокандского ханства и прилегающих к нему пространств отражало достаточно типичные для XIX в. ориенталистские представления, репрезентируемые при помощи характерной цивилизаторской риторики, используемой при повествовании автора о степных племенах, которые «законов никаких не имеют и утверждаются на одном Алкоране либо на естественном праве» (Назаров, 1891: 8). В отношении коренных жителей – киргизов, имперский эксперт использует и соответствующие маркеры: «беззаботные обитатели», «веселые и беспечные жители» (Назаров, 1891: 10). Вместе с тем проникновение отряда в глубь территории и более предметное знакомство с автохтонами способствовали значительному снижению градуса «экзотизации дикарей» и рефлексии автором спектра опасностей, исходящих от «хищных киргизов» (Назаров, 1891: 22, 25). К числу таковых Ф. Назаров причислял частые беспокойства малым торговым караванам, исходящие от киргизов-охотников, грабежам на дорогах, которые устраивали киргизы, «скрывающиеся в окружности лесов» (Назаров, 1891: 15). По описанию Назарова, попытки совершения грабежей кочевниками были пресечены «поймкой и сечением розгами двух покушавшихся» (Назаров, 1891: 16).

Весьма ценными в контексте имперской экспертизы сведениями, представленными в отчете Ф. Назарова, являются сообщения, касавшиеся Туркестана. Здесь, автор, во-первых, говорит о благоприятных для развития земледелия территориях, оценивая их именно в колонизационном ключе (Назаров, 1891: 30). Более того, дальнейшие описания, относившиеся к г. Сузаку, также наполнены сообщениями о пашенном хозяйстве (Назаров, 1891: 32-33, 43).

Исследователь констатирует факт наличия хорошо организованной системы управления, основу которой составляют «законы, совершенно представленные в руки духовенства», подразумевая под этим рельефно выраженное влияние мусульманского права (Назаров, 1891: 30). Назаров заключает: «туркестанца видишь уже не таким свободным, вскормленным природой среди степей человеком, каков киргиз; он сжат, скрытен, надменен и уже знает различные ухищрения и обманы, к несчастью, столь тесно соединенные с гражданской жизнью» (Назаров, 1891: 30).

Обращает на себя внимание характерная, видимо, свойственная военному человеку (разведчику) манера скрупулезного описания не только общего маршрута путешествия, но и многих частных, деталей: въезда в город (Ташкент), окружной рекогносцировки крепости, рвов, валов, а также топографии местности в крепостной черте (Назаров, 1891: 35).

Еще одной специфической чертой травелога Ф. Назарова является постоянное желание автора сопровождать фрагменты описания городов и их населения историческими экскурсами. Так, за сообщением о прибытии отряда в Коканд следуют пространные рассуждения Назарова об обстоятельствах далекого и относительно близкого прошлого территорий Кокандского ханства, от которых он переходит к подробной характеристике природно-климатических условий земель, знаменательных явлений, достопримечательностей и нравов людей. Относительно последнего обстоятельства, мимо опытного взгляда эксперта не прошли некоторые эпизоды, свидетельствующие о специфических правовых практиках, распространенных в Коканде, что свидетельствовало о силе и одновременно слабости вероятного противника. Первоначально попав под обаяние местной экзотики

(«жители совершенно ни в чем не нуждаются и ведут жизнь, можно сказать, щастливую, имея у себя большие фруктовые сады и пашни» (Назаров, 1891: 60), он вскоре обратил внимание на произвол властей: «...чиновники бьют людей нещадно плетьюми по головам и давят лошадыми», а также культурные различия между автохтонами и путешественниками: «народ, когда замечал, что мы без тамошних чиновников, то бежал за нами толпами, кидал в нас камнями и кричал: Кафар! Кафар! т.е. – безбожники» (Назаров, 1891: 65).

Характерным является и то, что Ф. Назаров в своем отчете, адресованном власти, недвусмысленно указывает на понимание стратегической миссии отряда, четко разграничивая информацию для «своих» и «чужих». Так, на вопрос кокандского высшего чиновника о целях приезда Ф. Назаров говорит о мирных инициативах по установлению торговых связей, однако сам факт вступления отряда в Коканд обставлен был несколько иначе: «у заставы города Коканда мы одели казаков в полную амуницию...» (Назаров, 1891: 46), что вызвало ответную реакцию местной администрации: «...к нам приставили караул из 15 человек... и не позволяли выходить вон из сада; лошади целые сутки не имели корма» (Назаров, 1891: 46).

Ф. Назаров, как имперский эксперт, с явным интересом рассказывает о реакции местного населения на воинские навыки и боевую организацию казачества: «народ с утра до ночи толпился в саду, смотреть на нас как на чудо; рассматривали нашу амуницию, красные казацкие шапки, сабли...» (Назаров, 1891: 49). При этом Назаров довольно подробно останавливается на важном, с его точки зрения, сюжете «демонстрации силы», когда после урегулирования всех неопределенностей казакам было предложено предъявить свою воинскую выучку: «казачий офицер выбрал лучших казаков, маршировал, палил плутонгами, делал атаку и сими маневрами совершенно изумил кокандцев» (Назаров, 1891: 49).

В целом, опираясь на материалы отчета Ф. Назарова, можно говорить о том, что дипломатическая миссия его отряда, несмотря на многочисленные трудности, была реализована. Посольству в конечном счете удалось настроить высшую администрацию Кокандского ханства на «дружественную волну», что не только укрепило и стабилизировало позиции России в Центральной Азии, но и расширило возможности имперской экспертизы степной периферии.

В этом благоприятном «шлейфе» состоялось и следующее крупное путешествие в Кокандское ханство, инициированное имперскими властями и осуществленное казачьим хорунжим Н.И. Потаниным, спустя 16 лет после поездки Ф. Назарова, в 1829–1830 гг., итоги которого были запечатлены в записке о путешествии в Коканд, представленной в 1830 г. Примечательно, что функции отряда, возглавляемого Н.И. Потаниным, во многом совпадали с задачами, которые решали экспедиционеры во главе с Ф. Назаровым: сопровождение кокандских послов, возвращавшихся из Петербурга через киргизские степи в свои пределы. Наряду с тем, что многие сюжеты внутренней жизни Кокандского ханства: бытовые аспекты жизни кочевого и оседлого населения степных пространств, нравы, обычаи, образ правления, природно-климатические зарисовки – в травелог Н.И. Потанина во многом дублируют впечатления предшественника; невозможно не обратить внимание на определенное смещение акцентов в экспертизе подведомственных кокандской администрации территорий, что было связано как минимум с двумя факторами.

Во-первых, в 1820-х гг. российская дипломатия стремилась к расширению торговых операций в Центральной Азии, что сопровождалось усиленным поиском союзников. В данном плане укрепление дипломатических и торговых связей с Кокандом рассматривалось властью Российской империи и как средство оказания политического давления на Хиву и Бухару, что располагало не только к продолжению контактов, но и порождало желание иметь больше информации. Вместе с тем отношение к централизованным и независимым ханствам Центральной Азии в представлениях российской имперской власти в исследуемый период существенно корректировалось. По показаниям Г.Е. Катанаева, путешествие Н.И. Потанина пришлось на время начала волнений киргизских кочевников политического характера после введения в степных областях «Устава о сибирских киргизах» 1922 г. – с упразднением ханской власти, ограничением полномочий султанов и организацией в регионе русских поселений (Катанаев, 1909: 201), что усиливало имперские мотивы экспедиции.

Во-вторых, для осуществления эффективной экспертизы территорий, входивших в орбиту геополитических и колонизационных интересов Российской империи, в этот период появились дополнительные технические навыки и средства, которыми экспедиционеры Ф. Назарова еще в полной мере не располагали. В 1813 г. в Омске начало функционировать Войсковое казачье училище (кадетский корпус), при котором было открыто отделение для подготовки военных топографов. По констатации исследователей, первый значительный выпуск, в котором состоял и Н.И. Потанин, училище дало только в 1816–1817 гг. (ГИАОО. Л. 670б.-68). Среди дисциплин, освоенных Потаниным за время обучения, помимо уже упомянутой выше грамматики, числились русская история и география, арифметика, алгебра, военная топография и фортификационное, артиллерийское и архитектурное черчение пером и кистью (Катанаев, 1909: 192). В данной связи симптоматично, что, кроме наблюдений во время следования посольства от линии русских поселений до Коканда, Н.И. Потанину было поручено представить по возвращении из командировки маршрутную съемку с

описанием пройденного пути (Катанаев, 1909: 193), техникой которой он, по всей видимости, владел в совершенстве (Потанин, 1909а: 203).

В завуалированном виде командир отряда хорунжий Н.И. Потанин озвучил программу экспедиции уже в вводной части своих записок. Подготавливая читателя к восприятию информации долгим и детальным описанием природного фона своего путешествия, автор травелога сообщает: «Не доходя до Голодной степи, почти в 600 верстах от Семипалатинска, встретили мы... киргизов Конгратовской волости, которые бежали с реки Чуй от тягостных, по их словам, податей, взимаемых с них Кокандским владетелем, и шли к Каркаралинскому уезду, желая отдаться под покровительство России» (Потанин, 1909а: 205). Тем самым в понимании Н.И. Потанина рельефно обозначалась демаркация между первоочередными и второстепенными задачами, которые предстояло решать в регионе. Описание Туркестана, Сузака, Чимкента, входивших в орбиту политического доминирования Кокандского ханства, в интерпретации путешественника выглядят уже как территории, достойные имперского приращения: «Взорам путешественника представляются в странах этих уже не дикие, бесплодные пустыни, не народы, переходящие с подвижными жилищами и многочисленными стадами с одного места на другое, не имеющие понятия о выгодах благоустроенных обществ...; здесь он видит повсюду поля..., обширные города и многие селения, видит народ, соединенный в политическое тело, достигший некоторой степени гражданской образованности...» (Потанин, 1909а: 210). Подтверждением потенциальных имперских амбиций России на Востоке можно считать описание автором не только ситуации вступления русского посольства в город (Ташкент) при полной амуниции и вооружении, но и реакции чиновников на этот демарш, что, безусловно, не могло пройти мимо пристального взора Н.И. Потанина: «Нас встретил токсаба, с 50-ю человеками, вооруженными копьями, саблями и стрелами. Причину такого вооружения можно отнести к желанию показать нам, что и у них находится войско, готовое защищать отечество свое от нападения неприятеля» (Потанин, 1909а: 213).

Детально описывая движение отряда в направлении к г. Коканду, подробно перечисляя селения, комментируя топографию местности, сообщая сведения о численности населения городов и сельских пунктов, Н.И. Потанин обращает внимание на постоянное присутствие стражи и ограничение в передвижении членов экспедиции. Между тем путешественник признается, что, даже находясь в ситуации условного «заточения», он продолжал заниматься «составлением начерно путевого маршрута и по мере возможности старался получить сведения о Коканде от чиновника, находившегося при страже, и других приезжающих» (Потанин, 1909а: 222). При этом Потанин признается читателю в том, что его намерения имеют противозаконный характер, о чем он был предупрежден еще в Ташкенте знакомым татаринном из Петропавловска (Потанин, 1909а: 222).

Тенденциозность наблюдений Н.И. Потанина, запечатленных в записках, выразилась и в акцентированном внимании к сфере управления и военной организации Кокандского ханства. Общим местом текста являются беглые, фрагментарные, часто повторяемые за предшественниками сообщения об окружающих природных явлениях, с резким переходом к оценке хозяйственных возможностей посещаемых местностей, системы податного обложения и военной сферы. Так, фрагментарно осветив особенности климата и рельефа Коканда, Потанин предметно описывает род занятий местных жителей, постепенно смещаясь к главному – военной организации, характеристика которой обширна и детализирована (Потанин, 1909а: 222-223). В спектре авторского интереса оказываются такие вопросы, как порядок поступления на службу лиц мужского пола Кокандского ханства, функционирование войска в мирное и военное время, рода войск и воинский строй, структура отдельных подразделений, принципы материального стимулирования ратников (Потанин, 1909а: 222-223).

Не меньший интерес исследователя вызвала и система административного управления ханством, связанная с порядком наследования и обеспечивавшая, с точки зрения Н.И. Потанина, правовой порядок, устойчивость государственного управления и эффективность вооруженных сил. Путешественник констатирует отсутствие писаного права у кокандцев, суровость судопроизводства, сосредоточенного в руках духовных феодалов, что подкрепляет самовластие хана и гарантирует его наследникам или, при отсутствии таковых, видным чиновникам преемственность власти (Потанин, 1909а: 223-224).

В отличие от побывавшего в Кокандском ханстве в 1813–1814 гг. Ф. Назарова, который, по большому счету, ограничился простым описанием картины мира восточного общества, Н.И. Потанин оказался более склонен к оценочным суждениям и выводам, критике потенциального противника с цивилизаторских и имперских позиций. И здесь показательными можно считать два эпизода, венчавших экспедицию, в достаточной мере иллюстрирующих мышление «человека-цивилизованного» и «человека-имперского». В первом случае Н.И. Потанин, рассказывая в записках о казни женщины, изменившей мужу, выразил негодование не только по поводу самого факта жестокого наказания, но, прежде всего, вероломства, заложенного в ментальности кокандского социума и султанов. В комментарии к сюжету он написал: «Замечательно, что столь строгое отношение к целомудрию обоих полов населения ханства не помешало самому хану Муххамед-Али прославиться своим распутством и впоследствии даже жениться на своей мачехе, что по шариаду

составляет величайшее преступление» (Потанин, 1909а: 233). Второй случай касался уже много раз озвученной военной темы и представлял собой довольно ироничное описание казачьим хорунжим, привыкшим к определенному порядку и однообразию кокандского войска, воины которого были собраны из окрестных городов и селений, двигались хаотично, без всякого порядка, а люди были вооружены крайне разнообразно: одни – саблями и ружьями, другие – ружьями и пиками, третьи – саблями и стрелами. По свидетельству Потанина, «одежда их состояла в разноцветных халатах, а на головах одни имели чалмы различного цвета, а остальные – небольшие круглые шапочки» (Потанин, 1909а: 234).

Помимо сказанного, результаты имперской экспертизы, проведенной Н.И. Потаниным и участниками похода, ориентированные на обоснование в недалеком будущем колонизаторских планов, распространялись на достаточно широкую сферу. Были собраны максимально точные на текущий момент сведения о Кокандском ханстве, уточнены картографические данные по Средней Азии и Казахстану, создан фундамент для продолжения исследований степных областей, в том числе и с разведывательными целями.

5. Заключение

Таким образом, ставшее в первой половине XIX в. объектом геополитических интересов Российской империи Кокандское ханство активно включалось в орбиту экспедиционной деятельности, основным актором которой выступали посольства, выполнявшие сопроводительные, исследовательские и разведывательные функции. Изменение диспозиции сил империй в системе международных связей и отношений (Россия, Англия, Китай) диктовало новые задачи, нашедшие отражение в восточной политике мировых держав. Для России «восточное поле» являлось одним из главных векторов внешней политики, тесно связанной с политикой внутренней – колонизацией восточных окраин и программой действий в степных областях. Обеспечение безопасности границ, пористых и подвижных на востоке империи, актуальность выполнения обязательств по отношению к племенным группам степной периферии, не имевшим государственности, но являвшимся подданными Российской империи, требовало от государственной власти активных действий – дипломатических и военных. Инструментом реализации данных задач становилась имперская экспертиза неподконтрольных России территорий, входивших в круг ее интересов в относительно близкой перспективе, что способствовало активизации экспедиционной деятельности. В процессе обходов в Центральную Азию, в том числе в Кокандское ханство, руководителям отрядов вменялись в обязанность сбор и систематизация материалов о природно-климатических и геолого-географических характеристиках новых земель, этническом и конфессиональном составе населения, организации управления, нравах, обычаях местных жителей. Экспедиции, возглавляемые Ф.М. Назаровым (1813–1814 гг.) и Н.И. Потаниным (1829–1830 гг.), выполнили поставленные перед ними задачи, предоставив в виде отчетов не только калькированное изображение внешних явлений, встреченных в дороге и местах стоянок. Результаты их деятельности заключались и в формировании общественного мнения о широком спектре социально-экономических, политических, культурных интересов России в Центральной Азии, перспективах колонизационного процесса.

Литература

- Бекмаханова, 2015 – Бекмаханова Н.Е. Присоединение Центральной Азии к Российской империи в XVIII–XIX вв. М.-СПб.: 2015. 240 с.
- Брежнева, 2018 – Брежнева С.Н. Повседневная жизнь населения Кокандского ханства в описании русского посла (по книге и рукописи Ф.М. Назарова) // *Научный журнал*. 2018. № 2 (7). С. 72-89.
- Вельяминов-Зернов, 1856 – Вельяминов-Зернов В.В. Исторические сведения о Кокандском ханстве от Мухаммед-Али до Худояр хана // *Тр. Вост. отд. Русск. археол. общ.* Ч. 2. 1856. С. 329-370.
- Вяткин, 1936 – Вяткин М.П. Путевые записки лекаря Зибберштейна. М.-Л., 1936. Вып. 1. С. 223-258.
- ГИАОО – Государственный исторический архив Омской области.
- Гуревич, 1983 – Гуревич Б.П. Международные отношения в Центральной Азии. XVII – первая половина XX в. М., 1983. 311 с.
- Катанаев, 1909 – Катанаев Г.Е. Н.И. Потанин и его предшественники по разведкам в киргизских степях и Средней Азии // *Киргизские степи и Кокандское ханство в начале XIX столетия по описанию хорунжего Н.И. Потанина*. СПб., 1909. С. 192-203.
- Майга, 2014 – Майга А.А. Литературный травелог: специфика жанра // *Филология и культура*. 2014. № 3 (37). С. 254-259.
- Моисеев, 2003 – Моисеев В.А. Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX в. – 1917 г.). Барнаул, 2003. 345 с.
- Назаров, 1891 – Назаров Ф.М. Записки о некоторых народах и землях средней части Азии Филиппа Назарова, отдельного Сибирского корпуса переводчика. СПб., 1891. 98 с.
- Наливкин, 1885 – Наливкин В. Краткая история Кокандского ханства. Казань, 1885. 215 с.

- Петровский, 1873** – *Петровский Н.Ф.* Очерки Кокандского ханства // *Туркестанский сборник*. Т. 76. 1873. С. 722-757.
- Плоских, 1977** – *Плоских В.М.* Киргизы и Кокандское ханство. Фрунзе, 1977. 368 с.
- Потанин, 1909а** – *Потанин Н.И.* Записки о Кокандском ханстве хорунжего Н.И. Потанина // *Киргизские степи и Кокандское ханство в начале XIX столетия по описанию хорунжего Н.И. Потанина*. СПб., 1909. С. 203-258.
- Потанин, 2006b** – *Потанин Г.Н.* Показания сибирского казака Максимова о Кокандском владении // *История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков*. Т. VII. Исследования и материалы. Алматы, 2006. С. 292-303.
- Репина, 2007** – *Репина Л.П.* Интеллектуальные сообщества как объект и предмет сравнительно-исторического исследования: проблемы методологии // *Политические и интеллектуальные сообщества в сравнительно-исторической перспективе*. М., 2007. С. 89-92.
- Суворова, Кадилов, 2015** – *Суворова Н.Г., Кадилов Э.Р.* Колонизационные тексты имперских экспертов (вторая половина XIX – начало XX в.) // *Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки»*. 2015. № 4 (8). С. 174-193.
- Тольц, 2013** – *Тольц В.* «Собственный Восток России»: Политика идентичности и востоковедение в позднеимперский и раннесоветский период. М., 2013. 336 с.
- Усманова, 2009** – *Усманова Э.* Письмо генерал-майору С.Б. Броневскому, или Тени забытых зимовок. Ч. 1 [Электронный ресурс]. URL: <https://zonakz.net/2009/12/08> (дата обращения: 11.03.2022).
- Халфин, 1974** – *Халфин Н.А.* Россия и ханства Средней Азии (первая половина XIX в.). М., 1974. 406 с.
- Хасанов, 1977** – *Хасанов А.Х.* Народные движения в Киргизии в период Кокандского ханства. М., 1977. 95 с.
- Ходарковский, 2019** – *Ходарковский М.* Степные рубежи России: как создавалась колониальная империя. 1500–1800. М., 2019. 352 с.
- Чуркин, 2021** – *Чуркин М.К.* Степной край в системе российского имперского управления второй половины XIX в. в репрезентации эго-текстов колониальных экспертов // *Вопросы истории Сибири / Сборник научных статей IV Международной научной конференции, Омск, 11–12 ноября 2021 года*. С. 156-164.

References

- Bekmakhanova, 2015** – *Bekmakhanova, N.E.* (2015). Prisoedinenie Tsentral'noi Azii k Rossiiskoi imperii v XVIII – XIX vv. [Accession of Central Asia to the Russian Empire in the XVIII – XIX centuries]. М.: SPb.: 2015. 240 p. [in Russian]
- Brezhneva, 2018** – *Brezhneva, S.N.* (2018). Povsednevnyaya zhizn' naseleniya Kokandskogo khanstva v opisaniy russkogo posla (po knige i rukopisi F. M. Nazarova) [Daily life of the population of the Kokand Khanate in the description of the Russian ambassador (according to the book and manuscript of F.M. Nazarov)]. *Nauchnyi zhurnal*. 2(7): 72-89. [in Russian]
- Churkin, 2021** – *Churkin, M.K.* (2021). Stepnoi kraj v sisteme rossiiskogo imperskogo upravleniya vtoroi poloviny XIX v. v reprezentatsii ego-tekstov kolonial'nykh ekspertov [The Steppe Region in the system of Russian Imperial administration in the second half of the XIX century as represented by the ego-texts of colonial experts]. *Voprosy istorii Sibiri. Sbornik nauchnykh statei IV Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Omsk, 11–12 noyabrya 2021 goda*. Pp. 156-164. [in Russian]
- GIAOO** – Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Omskoi oblasti [State Historical Archive of the Omsk Region].
- Gurevich, 1983** – *Gurevich, B.P.* (1983). Mezhdunarodnye otnosheniya v Tsentral'noi Azii. XVII – pervaya polovina XX v. [International Relations in Central Asia. XVII – first half of XX century]. М., 311 p. [in Russian]
- Katanaev, 1909** – *Katanaev, G.E.* (1909). N.I. Potanin i ego predshestvenniki po razvedkam v kirgizskikh stepyakh i Srednei Azii [N.I. Potanin and his predecessors in intelligence in the Kyrgyz steppes and Central Asia]. *Kirgizskie stepi i Kokandskoe khanstvo v nachale KhIKh stoletiya po opisaniyu khorunzhego N.I. Potanina*. SPb. Pp. 192-203. [in Russian]
- Khalfin, 1974** – *Khalfin, N.A.* (1974). Rossiya i khanstva Srednei Azii (pervaya polovina XIX v.) [Russia and the Khanates of Central Asia (the first half of the XIX century)]. М., 406 p. [in Russian]
- Khasanov, 1977** – *Khasanov, A.Kh.* (1977). Narodnye dvizheniya v Kirgizii v period Kokandskogo khanstva [Popular movements in Kyrgyzstan during the period of the Kokand Khanate]. М., 95 p. [in Russian]
- Khodarkovskii, 2019** – *Khodarkovskii, M.* (2019). Stepnye rubezhi Rossii: kak sozdavalas' kolonial'naya imperiya. 1500–1800 [Steppe frontiers of Russia: how the colonial empire was created. 1500–1800]. М., 352 p. [in Russian]
- Maiga, 2014** – *Maiga, A.A.* (2014). Literaturnyi travelog: spetsifika zhanra [Literary travelogue: the specifics of the genre]. *Filologiya i kul'tura*. 3(37): 254-259. [in Russian]

Moiseev, 2003 – Moiseev, V.A. (2003). Rossiya i Kitai v Tsentral'noi Azii (vtoraya polovina XIX v. – 1917 g.). [Russia and China in Central Asia (second half of the 19th century – 1917)] Barnaul, 345 p. [in Russian]

Nalivkin, 1885 – Nalivkin, V. (1885). Kratkaya istoriya Kokandskogo khanstva [Brief history of the Kokand Khanate]. Kazan', 215 p. [in Russian]

Nazarov, 1891 – Nazarov, F.M. (1891). Zapiski o nekotorykh narodakh i zemlyakh srednei chasti Azii Filippa Nazarova, otdel'nogo Sibirskogo korpusa perevodchika [Notes on some peoples and lands of the middle part of Asia by Philip Nazarov, a separate Siberian translator's corps]. SPb., 98 p. [in Russian]

Petrovskii, 1873 – Petrovskii, N.F. (1873). Ocherki Kokandskogo khanstva [Essays on the Kokand Khanate]. *Turkestanskii sbornik*. T. 76. Pp. 722-757. [in Russian]

Ploskikh, 1977 – Ploskikh, V.M. (1977). Kirgizy i Kokandskoe khanstvo [Kirghiz and Kokand Khanate]. Frunze, 368 p. [in Russian]

Potantin, 1909a – Potantin, N.I. (1909). Zapiski o Kokandskom khanstve khorunzhego N.I. Potanina [Notes on the Kokand Khanate by the cornet N.I. Potanin]. *Kirgizskie stepi i Kokandskoe khanstvo v nachale XIX stoletiya po opisaniyu khorunzhego N.I. Potanina*. SPb. Pp. 203-258. [in Russian]

Potantin, 2006b – Potantin, G.N. (2006). Pokazaniya sibirskogo kazaka Maksimova o Kokandskom vladenii [Estimony of the siberian cossack Maksimov about the Kokand possession]. *Istoriya Kazakhstana v russkikh istochnikakh XVI–XX vekov* T. VII. Issledovaniya i materialy. Almaty. Pp. 292-303. [in Russian]

Repina, 2007 – Repina, L.P. (2007). Intel'ktual'nye soobshchestva kak ob'ekt i predmet sravnitel'no-istoricheskogo issledovaniya: problemy metodologii [Intellectual communities as object and subject comparative-historical research: problems methodology]. *Politicheskie i intel'ktual'nye soobshchestva v sravnitel'no-istoricheskoi perspektive*. M. Pp. 89-92. [in Russian]

Suvorova, Kadikov, 2015 – Suvorova, N.G., Kadikov, E.R. (2015). Kolonizatsionnye teksty imper'skikh ekspertov (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [Colonization texts of imperial experts (second half of the XIX – early XX centuries)]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Istoricheskie nauki»*. 4(8): 174-193. [in Russian]

Tol'ts, 2013 – Tol'ts, V. (2013). «Sobstvennyi Vostok Rossii»: Politika identichnosti i vostokovedenie v pozdneimperijskii i rannesovetskii period ["Russia's Own East": Identity politics and oriental studies in the late imperial and early soviet periods]. M., 336 p. [in Russian]

Usmanova, 2009 – Usmanova, E. (2009). Pis'mo general-maioru S.B. Bronevskomu, ili Teni zabytykh zimovok [Letter to Major General S.B. Bronevsky or Shadows of Forgotten Wintering.]. Ch. 1. [Electronic resource]. URL: <https://zonakz.net/2009/12/08> (date of access: 11.03.2022). [in Russian]

Vel'yaminov-Zernov, 1856 – Vel'yaminov-Zernov, V.V. (1856). Istoricheskie svedeniya o Kokandskom khanstve ot Mukhammed-Ali do Khudoyar khana [Historical information about the Kokand Khanate from Muhammad Ali to Khudoyar Khan]. *Tr. Vost. otd. Russk. arkheol. obshch.* Ch. 2. 1856. Pp. 329-370. [in Russian]

Vyatkin, 1936 – Vyatkin, M.P. (1936). Putevye zapiski lekarya Zibbershteina [Travel notes of the doctor Zibberstein]. M.-L., Vyp. 1. Pp. 223-258. [in Russian]

Кокандское ханство как объект геополитических интересов России в репрезентации травелогов имперских экспертов первой половины XIX в.

Бакыт Салманович Токмурзаев^{a, *}, Сарсенбек Кулишович Елшибаев^a,
Сабира Нурбаевна Апашева^a

^a Университет «Сырдария», Жетысай, Республика Казахстан

Аннотация. В статье на материалах травелогов российских путешественников Ф.М. Назарова и Н.И. Потанина в Кокандское ханство раскрываются репрезентации региона как объекта геополитических интересов Российской империи в первой половине XIX в. Методологическим основанием исследования являются подходы «новой культурно-интеллектуальной» и «новой имперской» истории, а достоверность и обоснованность выводов обеспечивается привлечением к работе широкого круга дополнительных материалов: отчетов путешественников, посетивших в указанный период государства Центральной Азии с дипломатическими визитами.

Установлено, что при организации экспедиции учитывались не только текущие цели, связанные с сопровождением иностранных посольств на родину, но и перспективные, предполагающие проведение экспертизы земель, входящих в орбиту геополитических интересов России. Руководителями таких посольств, как правило, назначали лиц казачьего звания, обладавших средним образовательным цензом, но при этом владеющих восточными языками и/или навыками

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: b.tokmurza@gmail.com (Б.С. Токмурзаев)

маршрутной съемки и картографирования. В процессе исследования доказано, что круг проблем, стоявший перед путешественниками, определялся внешнеполитической обстановкой на восточной периферии и местом России в данной диспозиции, что в определенной степени предоставляло им относительную свободу действий в принятии решений. Результатом имперской экспертизы Кокандского ханства стала подготовка и публикация подробных отчетов о ходе экспедиции, территории ее движения, населении, административном устройстве, что сопровождалось не только текстовым материалом, но и маршрутными картами. Все это в совокупности конструировало правдоподобную картину мира жителей востока, позволяло составить представления военных и администрации о возможностях продвижения на восток не только средствами дипломатии.

Ключевые слова: Кокандское ханство, Российская империя, геополитика, колонизация, имперские эксперты, травелог, общественно-политический дискурс, репрезентации, внешняя политика, казачество.